

УДК 94(47)

«ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ» ИВАН III И РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ*

А.Л. Корзинин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

e-mail: a.korzinin@spbu.ru

Researcher ID: G-5890-2015

<http://orcid.org/0000-0003-3249-1249>

SPIN-код: 7986-8603

Авторское резюме

В фокусе внимания автора дискуссионные в отечественной историографии сюжеты, затрагивающие проблему взаимоотношений самодержавной власти и аристократии в Русском государстве конца XV-XVI вв. Наибольший интерес и споры вызывают два события в период правления великого князя Ивана III Васильевича: заговор 1497 г., повлекший за собой опалу сына «государя всея Руси» Василия Ивановича, и расправа в 1499 г. над князьями Патрикеевыми и Ряполовским. Автор попытался раскрыть причины данных конфликтов государя со знатью с помощью генеалогии и просопографии (исследуя происхождение и карьеры участников заговоров), исходя из исторического контекста (реконструируя обстоятельства, приведшие к кровавой развязке). Тесно примыкает к исследуемой теме дискуссионный сюжет о начальном этапе складывания поместной системы в Новгородской земле и причинах исчезновения у аристократии владений на северо-западе в начале XVI в. Обосновано мнение о естественной, а не насильственной утрате новгородских земель.

Ключевые слова: Иван III Васильевич, аристократия, придворная борьба, историография, просопография.

«TSAR OF ALL THE RUSSIAS» IVAN III AND THE RUSSIAN NOBILITY

Alexander Korzinin

Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia

e-mail: a.korzinin@spbu.ru

Abstract

The focus of the author's attention is on controversial plots in the Russian historiography concerning relations between the autocratic power and the nobility in the 15th-16th centuries AD. Two events during the ruling of Grand Prince Ivan III Vasilyevich attract the greatest interest and debate: the conspiracy of 1497 when Vasily, Ivan III's son, became involved in a failed plot against his father and fell into disgrace; and the public beheading of Prince Patrikeev and Prince Ryapolovsky with their families in 1499. The author attempted to uncover the causes of these conflicts between the tsar and the nobility by applying the methods

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-06-00134 «Правящая элита Русского государства последней четверти XV-середины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование».

of genealogical research and prosopography, examining the lineage and careers of the conspiracies' members and reconstructing the circumstances that led to the bloody outcome. Concurrent with the events under investigation is a controversial story about the onset of the manorial system on Novgorodian lands and the reasons for the loss of land possessions by nobility in the northwest at the beginning of the 16th century. The author has substantiated claims of natural causes of the loss of lands (as opposed to forcible seizure).

Keywords: Ivan III Vasilyevich, nobility, fight in the Russian Tsar's Household, historiography, prosopography.

* * *

Эпоха Ивана III Васильевича (1462-1505 гг.) – переломное время в истории России. В правление великого князя или, как его называли, «государя всея Руси» практически завершается объединение земель вокруг Москвы: в 1468-1471 гг. был присоединен Ярославль, в 1474/1475 гг. – Ростов, в 1478 г. – Новгород Великий, в 1485 г. – Тверь, в 1494-1503 гг. в результате русско-литовских войн к России отошли Чернигово-Северские земли. В 1480 г. после стояния на реке Угре пало монголо-татарское иго.

При великом князе Иване Васильевиче продолжается формирование Государева двора – объединения служилых людей «по отечеству», имевших право на занятие высших должностей в государстве. В конце XV в. в него входили представители старомосковского боярства, зарекомендовавшие себя на службе первым московским князьям, а также выходцы из титулованных княжеских родов. Некоторые влиятельные сановники попали в Боярскую думу – высший законосовещательный орган власти при великом князе.

В правление «государя всея Руси» на службу Москве переходят многие представители княжеской знати Северо-Восточной и Западной Руси, значительно потеснив нетитулованную боярскую аристократию в Государевом дворе и Боярской думе. Власть великого князя приобретает самодержавные черты. Однако многочисленная аристократия, окружавшая государя «всея Руси», оказывала существенное влияние на политику. Отдельные вельможи, выходцы из знатных и могущественных родов, решали важнейшие дела совместно с московским правителем. Между высокопоставленными аристократами и великим князем Московским завязываются отношения, построенные по принципу взаимной поддержки и взаимовыгодного сотрудничества. Однако эти отношения не всегда были гладкими. В некоторые периоды случались конфликты, имевшие кровавую развязку. В княжение Ивана III можно выделить два таких эпизода: в 1497 г. и 1499 г. Оба они оказались тесно связаны с династическим кризисом. Остановимся на них подробнее.

Под 1497 г. летопись передает следующие известия: *«декабря по дьявольству всполься князь великы Иванъ Васильевич на сына своего князя Василья, да и на женоу свою на великую княгиню Софью, да в той спалке велел казнити детей боярских Володимера Елизарова сына Гоусева да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Роунова брата, да Щавея Скрябина сына Травина, да Федора Стромилова, диака введенного, да Офонасья Ярокына. Казниша их на ледоу, головы изсекоша декабря 27. Тое же зимы февраля 4 в*

неделю князь велики Иван Васильевич всея Роуси благословилъ и посадилъ на великое княженъе Володимирское и Московское всея Роуси внука своего князя Дмитрия Ивановичя» (ПСРЛ 39: 112, 172). Этот приведенный выше отрывок из списка Царского Софийской I летописи, составленного в 1508 г. в правление великого князя Василия III, не говорит нам о подлинных причинах гнева Ивана III на сына. Однако в распоряжении исследователей имеется список Дубровского Новгородской IV летописи. По мнению Я.С. Лурье, он содержит в себе наиболее ранний к описываемым событиям Московский свод 1500 г. (Лурье 1994: 202). Под 7000 [правильная дата 7005 (1497 г.), а не 1492 г.] Новгородская IV летопись так объясняет причины ареста князя Василия Ивановича: *«того ради, что онъ сведал от дьяка от Федора от Стромилова то, что отец его князь велики хочет жаловати великимъ княжениемъ Володимирским и Московским внука своего князя Дмитрия Ивановича; и нача думати князю Василью вторый сотонин предтеча Афонасей Ропченокъ, бысть в думе в той и дьяк Федор Стромилонъ, и Поярок Руновъ брат, и иные дети боярские, а иных таино к целованию приводиша на том, чтобъ князю Василью от отца своего отъехати великого князя, казна пограбити на Вологде и на Белеозере, и нат князем Дмитрием над внуком израда учинити»* (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 530). Каковы же подлинные причины событий 1497 г.?

События 1497 г. различно интерпретировались в исторической литературе. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, И.И. Смирнов и в начале 50-х гг. XX в. А.А. Зимин считали, что в заговоре на стороне Софьи и её сына Василия выступили дети боярские и дьяки, а князья и бояре поддерживали Елену Стефановну и Дмитрия-внука (Каштанов 1967: 79).

С.Б. Веселовский первым показал, что многие заговорщики происходили из знатных родов и были связаны с удельными дворами. Ученый полагал, что Гусев и его товарищи «по неосторожности или из побуждений карьеры вмешались в семейное дело великого князя» (Веселовский 1939: 31-47).

Я.С. Лурье считал, что В. Гусев «был представителем феодального блока, пытавшегося привлечь Тверь на свою сторону». Таким образом, Софья и Василий оказались у Лурье выразителями интересов аристократии, а Елена и Дмитрий лидерами дворянства (Лурье 1941: 90-92).

К.В. Базилевич согласился с мнением Лурье о принадлежности заговорщиков «к феодально-оппозиционным кругам», полагая, что основная причина конфликта Ивана III с Софьей лежала в области не внутренних, а внешних отношений (Софья Палеолог добивалась примирения своего мужа Ивана III с зятем великим князем литовским Александром Казимировичем в отличие от Елены Волошанки и Дмитрия-внука, сторонников войны с Литвой) (Базилевич 1954: 364-368).

Л.В. Черепнин доказывал проуглицкую направленность заговора 1497 г., считая его попыткой возродить феодальную раздробленность: «Гусев и его товарищи были выразителями оппозиционных боярских настроений, которые шли из бывших уделов Московского княжества. Эти настроения использовали в своих целях Софья Палеолог и ее сын Василий Иванович» (Черепнин 1951: 303).

С.М. Каштанов считает коронацию Дмитрия-внука проявлением антиудельной направленности, которая означала торжество самодержавия:

«Дмитрий внук был политической фигурой нового типа. Его последовательное возвышение на всем протяжении 90-х г. (по крайней мере, с 1492 г.) не сопровождалось предоставлением ему каких-либо земель в удел. Вполне естественно, что именно он оказался у трона рядом с Иваном III после разгрома проудельного заговора» (Каштанов 1967: 90).

А.А. Зимин в одной из своих поздних работ пришел к выводу, что Дмитрия-внука поддерживали сторонники тверской вольности, тогда как на стороне Василия III стояли силы, опиравшиеся на удельное княжье и новгородское окружение архиепископа Геннадия. Таким образом, в 1497 г. боролись два блока: проуглицкий удельный блок Василия Ивановича с протверским удельным блоком Дмитрия-внука (Зимин 1982: 145-147).

Для советской историографии были характерны идеологические штампы, рассмотрение политической истории Русского государства конца XV-XVI вв. через призму борьбы боярства, сторонника удельной раздробленности, и дворянства, являвшегося опорой самодержавной власти московских князей в деле строительства единого государства. Эта идея была не нова и была впервые высказана в дореволюционной историографии представителями так называемой «государственной школы» С.М. Соловьевым и К.Д. Кавелиным, а затем нашла отражение в работах В.И. Ленина. Для того чтобы лучше разобраться в причинах заговора 1497 г., необходимо остановиться на биографиях его участников, как уже предложил сделать С.Б. Веселовский.

Владимир Елизарович Гусев был из влиятельного старомосковского рода Добрынских, происходившего от легендарного касажского богатыря Редеги. Отец Владимира Елизар связал свою службу с удельными князьями. В 1448 г. он находился при дворе князя Ивана Андреевича Можайского и вел переговоры с великим князем Василием Темным «по наущению» Дмитрия Шемяки (Веселовский 1969: 303). В походе на Новгород 1477/1478 г. Елизар Гусев назван воеводой князя Андрея Меньшого Васильевича (ПСРЛ. Т. 25: 315). Старший сын Елизара Юрий (Юшка) уже служил старшему сыну Ивана III князю Ивану Ивановичу Молодому. Но в ноябре 1492 г. бежал в Литву (ПСРЛ. Т. 27: 292). Младшие братья Владимира Василий и Михаил служили удельному князю Юрию Ивановичу Дмитровскому. Сам Владимир Гусев осенью 1483 г. ездил в Тверь «с поклоном» от великого князя Московского к князю Михаилу Борисовичу Тверскому сообщить о рождении у Ивана III внука Дмитрия (сына Ивана Ивановича Молодого), но был выслан тверским князем «вон из избы». В 1495 г. Владимир среди детей боярских сопровождал в Вильно великую княгиню Елену Ивановну, дочь Ивана III (Сборник РИО: 164). Следует отметить, что, несмотря на удельную службу отца и братьев, Владимиру Гусеву удалось попасть во двор к великому князю, хотя он занимал невысокое положение.

Князь Иван Иванов сын Хруль Палецкий происходил из знатного рода Стародубских князей, но относился к его младшей ветви. Его дядя князь Федор Иванович Большой Палецкий в апреле 1497 г. посадил на престоле в Казани прорусски настроенного Абдул-Латыфа. Зимин отмечал, что «князь Иван Иванович

Хруль Палецкий накануне казни был, очевидно, очень молодым человеком, ибо его отец служил воеводой даже в 1507-1512 гг.» (Зимин 1982: 143).

Поярок приходился братом Ивану Дмитриевичу Руну, известному полководцу, который выдвинулся при великом князе Василии Темном как один из его верных сподвижников и прославился при его сыне Иване III. Особенно он отличился в Казанском походе 1469 г. О его брате Поярке никаких сведений не сохранилось. Он в отличие от других заговорщиков был малоизвестным человеком (Базилевич 1954: 363).

Щавей Тимофеевич Скрябин-Травин происходил из смоленского рода князей Фоминских, которые начали свою службу при московском дворе в правление великого князя Дмитрия Ивановича уже в 50-е гг. XIV в. (Веселовский 1969: 488). Отец Щавея Тимофей Скряба упомянут в 1500 г. на свадьбе князя В.Д. Холмского. Двоюродные братья Щавея Григорий Пырей и Иван Отава в 1495 г. входили в свиту Елены Ивановны (Сборник РИО. Т. 35: 164). Двоюродный брат Тимофея Иван Иванович Салтык Травин, приходившийся его сыну двоюродным дядей, участвовал в походах на Устюг и Казань в 1469 г., Пермь в 1483 г., Вятку в 1489 г.

Дьяк Федор Стромиллов являлся внуком дьяка великого князя Василия II Темного Алексея Стромиллова, который изменил государю и бежал в Можайск. По ходатайству митрополита Ионы Василий II помиловал А. Стромиллова, но передал его вместе с сыном Михаилом Чертом и вотчиной в «дом» митрополита (Базилевич 1954: 363-364). Что касается самого Федора Стромиллова, то Зимин установил, что он «в 1490-е годы был дьяком Василия Ивановича, тогда великого князя тверского», то есть находился при князе Василии (сыне Ивана III от второго брака с Софьей Палеолог) на службе (Зимин 1982: 296).

Наконец, Афанасий Еропкин, также, как и Щавей Скрябин, происходил из рода Фоминских князей. Он был сыном Дмитрия Азарьевича Еропкина. Двоюродный брат Афанасия Дмитриевича Михаил Степанович Кляпик Еропкин являлся лицом, приближенным к княжичу Василию (Зимин 1988: 233). Он был сокольничим, а Василий Иванович (будущий великий князь Василий III), как известно, очень любил соколиную охоту.

Возможно, что именно через Афанасия Еропкина, двоюродного брата Михаила, с Василием Ивановичем сблизился их дальний родственник Щавей Травин. Весьма показательным, что главными заговорщиками Новгородская IV летопись называет дьяка Ф. Стромиллова и А. Еропкина, поскольку они были самыми приближенными к Василию людьми. Что касается остальных заговорщиков, то рассмотрение их биографий вопреки укоренившемуся в историографии мнению показывает отсутствие связей у большинства из них с удельными дворами, близость к Василию Ивановичу. Некоторые из мятежников были княжеского происхождения, Владимир Гусев происходил из старомосковского боярского рода. Бросается в глаза, что все лица родовитого происхождения были отпрысками младших ветвей родов. Их старшие родственники в большинстве случаев занимали высокие воеводские посты, некоторые попали даже в Думу, в то время как их младшие родичи ждали своего «звездного часа». Увы, они могли его безрезультатно прождать всю жизнь. Вероятно, мятежники приняли сторону Василия в 1497 г. по той простой и

очевидной причине, что хотели помочь ему взойти на престол и в дальнейшем получить за свое содействие щедрые награды, продвижение по службе. Но риск был велик, расчет не удался, заговорщики были обезглавлены.

Тем не менее, князь Василий Иванович, оказавшись в конце концов у власти, не забыл своих верных сторонников, поддерживавших его в трудные для него времена. Князь Дмитрий Щереда Федорович Палецкий из рода Стародубских князей, двоюродный брат обезглавленного князя Ивана Ивановича Хруля, стал доверенным лицом государя (Зимин 1988: 43). Дочь Щереды в 1547 г. была выдана замуж за второго сына Василия Ивановича князя Юрия (Зимин 1988: 43).

После расправы с заговорщиками, поддержавшими Василия, 4 февраля 1498 г. Дмитрий-внук был провозглашен великим князем и посажен на великое княжение Владимирское и Московское (ПСРЛ. Т. 39: 172). В качестве наказания опального Василия Ивановича посадили «за приставы на его же дворе», а с его матерью Софьей Палеолог Иван III «с тех мест нача жити в брежении» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 530-531).

В феврале 1498 г., по мнению А.А. Зимина, в связи с коронационными торжествами Дмитрия-внука был составлен Хронографический список бояр (Зимин 1988: 310-311; Шмидт 1951: 272-273). Особый интерес представляет порядок записи лиц в боярском списке, поскольку он был строго местническим и отражал ту иерархию фамилий при дворе, которая сложилась к началу 1498 г. Приведем этот список: "А бояр у великого князя": князь И.Ю. Патрикеев, его сын князь Василий Иванович Патрикеев, Яков Захарыч, князь С.И. Ряполовский, князь Д.А. Пенко, князь А.В. Оболенский, князь С.Р. Ярославский, князь П.В. Нагой Оболенский, Юрий Захарьевич, А.Ф. Челяднин, С.Б. Брюхо-Морозов, И.В. Чебот, Т.М. Плещеев, П.М. Плещеев, Г.А. Мамон, И.А. Колычев, князь П.Г. Заболоцкий, Г.Ф. Давыдов, Д.В. Ховрин, князь Б.М. Туреня, И.В. Шадра. Зимин убедительно доказал, что лица, начиная с С.Б. Морозова и до конца списка, являлись в 1498 г. окольничими, кроме Д.В. Ховрина и князя Б.М. Турени (Зимин 1988: 286-287).

Заметно, что казнь князя И.И. Хруля Палецкого не отразилась на служебной карьере его родственника стародубского князя Семена Ивановича Молодого Ряполовского. В списке бояр он стоит на четвертом месте после Якова Захарыча и могущественных князей Патрикеевых, его родственников. В феврале 1498 г. тесть князя Семена Ряполовского князь И.Ю. Патрикеев не только возглавлял Боярскую думу, но и занимал высокий пост наместника Москвы (Зимин 1974: 277).

Взросшее положение князя С.И. Ряполовского в 1498 г., несомненно, было связано с его свадьбой на дочери князя И.Ю. Патрикеева, которая состоялась примерно в то время (Зимин 1988: 41). Благодаря родству с самым могущественным, "наивысшим" боярином Думы, князь Семен Иванович приблизился к великокняжеской семье. Именно к 1498 г. относится появление у князя С.И. Ряполовского почетного титула «слуги и боярина» (Скрынников 1997: 207).

Взлет карьеры князя Семена Молодого, породнившегося с родственниками государя князьями Патрикеевыми (Иван Юрьевич Патрикеев приходился Василию Темному двоюродным братом, а Ивану III дядей) (Алексеев 1992: 49) в 1499 г. внезапно был насильственно прерван. В летописях об этом сообщается следующее.

31 января 1499 г. «велелъ князь великий поимати бояръ своих князя Ивана Юрьевича з детми да князя Семена Ивановичя Ряполовского, головы емоу ссекоша на Москве рець, пониже мостуу февраля 5 въ вторник. А князя Ивана Юрьевичя Кривого отпустил в манастирь в Кырилов на Бълоозеро» (ПСРЛ. Т. 39: 175). Новгородская IV летопись по списку Дубровского сообщает подробности расправы: «а князя Ивана Юрьевича пожаловал, по печалованию Симона митрополита всеа Руси и архиепископа и владык; смертныя ему казни не предал, отпустил их с сыном с его князем Васильем Косым в черньцы; а князя Иоанна Мынынну велел посадити за приставы» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 531). Сразу же вслед за этим 21 марта 1499 г. Иван Васильевич «пожаловаль сына своего князя Василья: вины ему отдалъ, а нарекъ его государемъ великимъ княземъ, дал ему Великий Новгородъ и Псково великое княжение» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2: 531).

Последовательность в изложении событий в летописях говорит о существовании некоей связи между прощением князя Василия Ивановича, казнью князя С.И. Ряполовского и опалой князей Патрикеевых. Ранние источники ничего не говорят нам о причинах опал первых вельмож государства. Сохранилось единственное их истолкование лишь в позднем источнике – в Степенной книге начала 60-х гг. XVI в. Рассказав о прощении князя Василия в марте 1499 г., летописец заметил, что в течение примерно двух лет до того великий князь имел гнев на сына и жену «некоих ради людьских крамол». В итоге великим князем был провозглашен Дмитрий-внук. Однако потом государь Иван III, «испыта подробну вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Ряполовского казнити смертным посечением, а князей Ивана с сыном Василием пощадил; та же великий князь о внуке своемъ великом князе Дьмитрии нерадети нача и за приставы посади его и мать его, великую княгиню Елену, идъже во своя времена сконьчастся. И по благословению митрополита Симона всю державу царствия своего поручи Богом дарованному сыну своему и наследнику, великому князю Василью» (ПСРЛ. Т. 21: 571-572).

Несмотря на то, что данный отрывок появился после 1547 г. в правление Ивана IV, он содержит ряд интересных деталей. Казнь С.И. Ряполовского и опала Патрикеевых в Степенной книге связаны непосредственно с династическим вопросом, который развивался в следующей последовательности: в начале великий князь опалился на сына Василия и жену, в связи с этим наследником престола был провозглашен Дмитрий-внук. Затем был казнен князь С.И. Ряполовский и пострижены в монахи князь И.Ю. и В.И. Патрикеевы, сын Ивана III Василий Иванович был прощен, о внуке великом князе Дмитрии Иван III перестал заботиться и потерял к нему интерес, а вскоре посадил вместе с его матерью в темницу, и великое княжение передал в конце концов сыну Василию Ивановичу. Видно, что казнь С.И. Ряполовского и опала Патрикеевых связываются в Степенной книге с прощением Василия и началом опалы Дмитрия-внука. Эту версию летописи приняли Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев. Последний о причинах «измены» Патрикеевых и Ряполовского писал, что они «состояли в действиях их против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия-внука» (Соловьев. Кн. II: 63). Мнение Соловьева поддержали В.О. Ключевский, И.И. Смирнов и в начале 50-х гг. XX в. А.А. Зимин (Каштанов 1967: 103).

И.И. Смирнов полагал, что «в ходе династического кризиса 1497-1502 гг. удельно-княжеские круги, очевидно, рассчитывали использовать малолетство внука Ивана III, Дмитрия, для захвата власти в свои руки (в форме регентства и т.д.)» (Смирнов 1952: 143). По мнению Смирнова, суть политики Патрикеевых и Ряполовского сводилась к восстановлению «прежней роли удельных князей», поскольку ученый рассматривал князей и бояр как носителей начал феодальной раздробленности и противников централизаторской политики московских князей.

Противоположную точку зрения на московские опалы 1499 г. впервые обосновал Я.С. Лурье. Он считал, что доверять Степенной книге не следует, так как она относится к более позднему времени (Лурье 1994: 197). Причины падения Дмитрия-внука Лурье усматривал в области внешней политики: «Мать Дмитрия Елена была дочерью молдавского государя Стефана Великого, и возвышение ее сына в 1498 г., вероятно было связано с русско-молдавским союзом против Литвы, а падение Дмитрия – с поражением Молдавии в войне и примирением ее с Ягеллонами» (Лурье 1994: 211). Опалы Ряполовского и Патрикеева Лурье не связывал с падением Дмитрия-внука, а считал их прямым следствием «высокоумничанья» воевод во время переговоров с Александром Каземировичем в 1494 г., ссылаясь на наказ великого князя, данный русским послам в мае 1503 г.: «Вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семень Ряполовской высокоумничалъ княземъ Васильем княжим Ивановымъ сыном Юрьевича» (Сборник РИО. Т. 35: 428).

Л.В. Черепнин искал причины опал 1499 г. в том, что Патрикеевы и Ряполовский были сторонниками русско-литовского сближения, основываясь на их ведущей роли в подписании мира с Литвой в 1494 г. По мнению историка, опальные князья принадлежали к партии Елены Стефановны и Дмитрия-внука, высказывавшейся против войны с Литвой. Черепнин полагал, что «опала на Дмитрия и Елену была вызвана нежеланием отца Елены Стефана разрывать молдавско-литовские отношения и вступать в войну против Литовского государства на стороне Ивана III», то есть присоединился к мнению Лурье (Черепнин 1951: 306-316).

К.В. Базилевич впервые обратил внимание на известие Вологодско-Пермской летописи, следующее после описания московских расправ: в апреле 1499 г. после прощения Василия Ивановича и передачи ему в великое княжение Новгорода и Пскова, «поимал князь великий Иван Васильевич князя Василья Ромодановского да Ондreja Коробова Тферитина» (ПСРЛ. Т. 26: 291). Базилевич объединял опалы Патрикеевых, Ряполовского, Ромодановского и Коробова в одно целое, считая, что все эти лица были противниками «вооруженной борьбы за русские земли с литовским государем», не усматривая, как и Лурье, никакой связи между этими опалами и падением Дмитрия-внука (Базилевич 1954: 373-374).

Н.А. Казакова поддержала точку зрения Смирнова о связи опал Патрикеевых и Ряполовского с падением Дмитрия-внука, и привела дополнительный материал, говорящий о близости Патрикеевых к Федору Курицыну, лидеру группировки Дмитрия-внука (Казакова 1970: 95-96).

С.М. Каштанов полагает, что попытка Дмитрия присвоить себе титул великого князя «всея Руси» привела к конфликту между ним и Иваном III уже в 1498

г. По мнению ученого, «допуск к власти антиудельно настроенного Дмитрия в условиях фактической неизжитости удельной системы способствовал возникновению планов куда более опасных для Ивана III, чем удельные притязания Василия. Сторонники Дмитрия могли замышлять либо прямое отстранение от власти самого Ивана III, либо грандиозный раздел государства на два самостоятельных великих княжества» (Каштанов 1967: 101). Каштанов считает Ряполовского и Патрикеевых сторонниками Дмитрия-внука, а князя В.В. Ромодановского и А. Коробова, напротив, сподвижниками Василия Ивановича. «Они олицетворяли силы, боровшиеся за реальное предоставление Василию прав на Тверское и Белозерское княжения», – пишет Каштанов (Каштанов 1967: 113, 117-118).

А.А. Зимин в поздней работе присоединился к мнению о близости Патрикеевых и Ряполовского к Дмитрию-внуку как сторонников русско-литовского сближения. По мнению Зимина, Ромодановский и Коробов были близки к Ряполовскому (Зимин 1982: 177, 169).

Ю.Г. Алексеев отмечает умозрительность всех точек зрения на причины опал Ряполовского и Патрикеевых в связи с отсутствием достоверных свидетельств по этому вопросу в источниках, и поэтому воздерживается от какого-либо утверждения (Алексеев 1991: 201-204). По мнению исследователя, династическая борьба не повлияла на «основную линию внутренней и внешней политики Русского государства. <...> Она не касалась принципиальных политических вопросов и была борьбой не идей и не социальных групп, а конкретных лиц за свое благополучие» (Алексеев 1991: 204).

Р.Г. Скрынников считал, что желание Ивана III передать Новгород и Псков под управление сына Василия, с которым великий князь решил в 1499 г. примириться, вызвало протест со стороны руководства Боярской думы, владевшей под Новгородом обширными землями и поддерживавшей на престоле Дмитрия-внука. Первостатейная знать опасалась раздела государства между соправителями и боялась передела земель под Новгородом (Скрынников 1997: 204-206). Конфликт между великим князем и Боярской думой закончился казнью Ряполовского и опалой Патрикеевых. В результате Новгородская земля была выведена из-под контроля Боярской думы и аристократия утратила здесь свои обширные пожалования. По мнению ученого, «передача Новгорода Василию не была формальным актом. Иван III прибегнул к экстраординарной мере, чтобы вывести Новгородскую землю из-под контроля Боярской думы» (Скрынников 1997: 207).

Разобраться в причинах «измены» Патрикеевых и Ряполовского помогает рассмотрение дальнейших событий, наступивших после расправы с ними. 11 апреля 1502 г. через три года после казни в Москве Иван III положил опалу на Дмитрия-внука и его мать, посадил их в темницу, а 14 апреля 1502 г. Василий Иванович был провозглашен великим князем Владимирским и Московским. В октябре 1502 г. был составлен наказ послам в Крым. В случае, если хан Менгли Гирей спросит о судьбе Дмитрия, послы должны были так ответить ему: «Внука был своего государь наш пожаловал великим княжеством, и он да и матери его великаа княгина Алена передь государем проступили, непопригожу учинили; и государь наш за ту ихъ проступку, у своего внука великое княжество взял да пожаловал всеми княжества сына своего

великого князя Василья» (Сборник РИО. Т. 41: 440). В посольском наказе в мае 1503 г. русским послам в Литву была изложена такая же причина отстранения Дмитрия: «который сын отцу служит и норовит, ино отецъ того боле и жалует, а которой сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати?» (Сборник РИО. Т. 35: 430). Наконец, в наказе послам, данном в августе 1504 г., они так должны были отвечать Менгли Гирею: «Внука был своего государь наш пожаловал и он учял государю нашему грубити; ино ведь всякой жалует дитя, которое родителем норовит и служит; а которой не норовит да еще грубит, ино того за что жаловати?» (Сборник РИО. Т. 41: 535). Таким образом, Иван III обвинял внука и его мать в том, что они совершили какой-то особый проступок, как бы предательство перед ним, за что и были справедливо наказаны. Дмитрий-внук, которого Иван III пожаловал великим княжением, вместо того, чтобы служить и слушаться деда, начал ему грубить и, вероятно, делать по-своему. За это Иван Васильевич и лишил внука великого княжения. В отрывке из Степенной книги известие о том, что «великий князь о внуке своемъ великом князе Дмитрии нерадети нача и за приставы посади его и матеръ его», стоит сразу после казни Ряполовского и опалы Патрикеевых. Случайно ли это?

С.М. Каштанов установил, что уже «к концу 1498-началу 1499 г. Дмитрий был фактически отстранен от участия в делах внутреннего управления» (Каштанов 1967: 91-95). В отличие от Лурье и Феннела, считавших, что с 1499 г. произошло лишь некоторое уменьшение власти Дмитрия, своеобразное разделение власти между ним и Василием Ивановичем, Каштанов полагает, что после московских опал 1499 г. Иван III пытался сосредоточить всю власть в своих руках: «Не дав реальной политической власти Василию, он и Дмитрия сохранил лишь как подставную фигуру, отчасти как пугало для Василия и выдвигал его на политическую арену в моменты отстранения Василия от выполнения формальной роли соправителя. Великий князь поддерживал видимость системы соправления, но по существу стремился ее ликвидировать» (Каштанов 1967: 169). По наблюдениям ученого, «Иван III не доверял Василию и не отдал ему в фактическое обладание Новгородскую землю. Василий был лишь формальным соправителем Ивана III по части дел, касавшихся Новгородской земли» (Каштанов 1967: 144).

А.А. Зимин заметил, что, уже начиная со второй половины 1500 г., Дмитрий-внук, формально оставаясь соправителем, фактически перестал допускаться к каким-либо государственным делам, в то время как влияние Василия постепенно росло (Зимин 1982: 196-197). В сентябре 1500 г. Василий уже упоминался с титулом великого князя. К марту 1501 г. к нему перешло руководство судебными делами на Белоозере, а 1 августа 1501 г. Василий Иванович выдал жалованную грамоту на двор в Кашине (Зимин 1982: 197).

Таким образом, отстранение от власти Дмитрия-внука фактически произошло уже в конце 1498-начале 1499 г. и, вероятно, было тесно связано с арестами вельмож, возглавлявших Боярскую думу, то есть князей И.Ю. и В.И. Патрикеевых, С.И. Ряполовского. Какая связь могла существовать между влиятельными и знатными боярами и Дмитрием-внуком?

В апреле 1492 г. Иван III вместе с женой и детьми, а также с невесткой и Дмитрием-внуком переехал на время жить к своему родственнику князю И.Ю.

Патрикееву. В октябре 1495 г., когда государь Иван Васильевич отправился в Великий Новгород вместе с Дмитрием, боярскую делегацию возглавлял князь В.И. Патрикеев, сын Ивана Юрьевича. В феврале 1498 г. во время коронации Дмитрия И.Ю. и В.И. Патрикеевы фактически возглавляли Боярскую думу и присутствовали на торжествах. В феврале 1498 г. и январе 1499 г. князь И.Ю. Патрикеев был наместником в Москве (Зимин 1974: 277). Словом, Патрикеевы были близко знакомы с князем Дмитрием.

Князь С.И. Рязполовский был женат на дочери князя И.Ю. Патрикеева, сестре князя В.И. Патрикеева. Сближение между Рязполовским и Патрикеевыми началось, вероятно, в 1491 г., когда С.И. Рязполовский и В.И. Патрикеев участвовали в аресте Андрея Углицкого и его детей. В 1494 г. В.И. Патрикеев и Рязполовский вели переговоры с литовскими послами и заключили мир с литовским князем Александром Казимировичем. Об особом доверии к князю С.И. Рязполовскому со стороны Ивана III говорит то, что он поручил Семену сопровождать его дочь Елену в Литву в 1495 г. В 1498 г. Семен Иванович был назван четвертым боярином в Думе после Патрикеевых и Я. Захарьича.

Скорее всего казнь С.И. Рязполовского и опала Патрикеевых была связана с тем, что они добились заметного влияния на Дмитрия-внука, которому в 1499 г. исполнилось шестнадцать лет. Первые вельможи Русского государства через Дмитрия, вероятно, стремились оказывать существенное влияние на политику. После смерти «государя всея Руси» Ивана III это было чревато тем, что великокняжеский престол мог попасть под контроль аристократии, а великий князь Дмитрий стать марионеткой в ее руках. Можно предположить, что у князей Патрикеевых и Рязполовского была своя программа взаимоотношений с Литвой, которая отличалась от великокняжеской, однако это трудно доказать.

Великий князь Иван Васильевич, видимо, заметил неповиновение внука своей воле и догадался, кто на него влияет, стоит за его спиной. Государь расценил это как предательство, измену со стороны бояр, как угрозу дворцового переворота. Гедиминовичей от казней спасло лишь родство с Иваном Васильевичем и родовитое литовское происхождение. Семен Рязполовский пострадал больше других, так как не обладал такими же связями и влиянием как его родственники Патрикеевы.

Что касается арестов князя В.В. Ромодановского и тверитина Андрея Коробова в апреле 1499 г., то несомненна их связь с делом Патрикеевых-Рязполовского. Ромодановский был троюродным братом С.И. Рязполовского. В 1494 г. С.И. Рязполовский сопровождал в Литву Елену Ивановну, а князь В.В. Ромодановский в начале следующего года, вероятно, по протекции Семена Ивановича был отправлен к ней «на прожить». В январе 1496 г. А.И. Коробов вторым воеводой полка левой руки ходил в войске князя В.И. Патрикеева на шведские земли. В сентябре 1499 г. за несколько месяцев до расправ в Москве, В.В. Ромодановский и А. Коробов в войске С.И. Рязполовского совершили поход на Казань. Поимка В.В. Ромодановского и А. Коробова в апреле 1499 г. говорит о том, что после января-февраля 1499 г. началось следствие по делу об «измене» Патрикеевых и Рязполовского. Скорее всего, как раз по этому делу они и были схвачены. Накануне опал осенью 1498 г. оба воеводы находились при князе Рязполовском и поэтому могли быть с ним заодно. А.И.

Коробов происходил из тверских бояр и мог быть близок к Дмитрию-внуку. Опала Ромодановского и Коробова оказалась кратковременной. Князь Ромодановский появляется в источниках с осени 1501 г., а Коробов с осени 1505 г. Вероятно, они имели только косвенное отношение к заговору 1499 г. и поэтому серьезно не пострадали.

Казнь С.И. Ряполовского и пострижение в монахи И.Ю. и В.И. Патрикеевых привели к конфискации их обширных земель под Новгородом и роспуску дворов. В 1500-1505 гг. Иван III отписал на себя земли других представителей княжеской знати. Новгородские пожалования утратило большинство Ростовских, Ярославских, Стародубских князей.

В конце XV в. после завоевания великим князем Иваном III Новгорода с новгородских земель были выселены в массовом порядке новгородские бояре. Были конфискованы земли новгородских монастырей. В 80–90-е гг. часть этого комплекса земель пошла в поместную раздачу московской аристократии и детям боярским. Г.В. Абрамович, тщательно изучивший вопрос о начальном этапе складывания поместной системы в своей докторской диссертации, выделил несколько этапов проведения реформы. Второй этап 1484-1489 гг., последовавший за выселением новгородских бояр, был назван им аристократическим, поскольку земли достались исключительно ближайшему княжеско-боярскому окружению Ивана III (Абрамович 1975: 89). После 1489 г. на новгородских землях стали испомещаться младшие представители княжеско-боярских родов, дети боярские, составившие в дальнейшем основу поместного ополчения. Что касается представителей аристократии, то большинство их к 30-м гг. XVI в. не сохранило за собой новгородских владений и не передало по наследству. Абрамович считал, что знать утратила новгородские поместья сразу после прекращения службы в Новгороде (Абрамович 1975: 100). Другую точку зрения выдвинул Р.Г. Скрынников, связывавший потерю аристократией новгородских земель с династической борьбой конца XV в. По мнению историка, в 1499-1502 гг. «после перехода Новгорода под власть удельного князя бояре и прочие знатные лица, присягнувшие на верность своему коронованному государю Дмитрию-внуку и продолжавшие служить в великом княжестве Московском и Владимирском должны были покинуть владения великого князя Новгородского Василия Ивановича» (Скрынников 1994: 24). Решение вопроса о причинах утраты земельных владений московской аристократией тесно связано с уточнением датировки новгородских писцовых книг.

Перепись Деревской пятины следует датировать 7004-7005 гг. (осенью 1495-осенью 1496/1497 гг.), составление писцовой книги – первой половиной 7007 г. (осенью 1498-зимой 1499 гг.). Перепись Бежецкой пятины имела место, вероятно, в 7005-7007 гг. (осенью 1496 г.-осенью 1498/1499 гг.), составление писцовой книги во второй половине 7007-7008 гг. (в 1499-1500 гг.). Перепись Водской пятины была проведена в 7006 г. – летом 7008 г. (осенью 1497 г. – в мае-июне 1500 г.), появление писцовой книги относится к первой половине 7009 г. (зима-весна 1501 г.). Перепись Шелонской пятины завершена в 7006-7008 гг. (осенью 1497 г.-осенью 1499 гг.), написание писцовой книги относится ко второй половине 7008 г. (весна-лето 1500 г.) (Корзинин 2008: 207-224).

В писцовой книге Водской пятины после указания на принадлежность земель князю Ивану Михайловичу Волынскому стоит приписка, отличающаяся от почерка основного текста (вставка выполнена другой рукой, более размашистой, и светлыми чернилами): «Отдано Олеше Иванову сыну Отяеву» (РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 3. Ч. 2. Л. 10). Когда появилась эта приписка? Несомненно, что после составления писцовой книги Водской пятины – после 7009 (1501 г.). С чем могла быть связана утрата владений феодала? Князь Иван Михайлович Волынский упоминался на посту новгородского дворецкого с декабря 1492 г. по 1501 г., после 1501 г. сведения о нем в источниках отсутствуют (Зимин 1958: 182), что может свидетельствовать не только о прекращении его новгородской службы, но и службы вообще, о его смерти после 1501 г., за которой последовала передача поместья Отяеву. Над описанием поместья князя Василия Даниловича Холмского в тексте подлинной писцовой книги Водской пятины находим явную приписку, выполненную другим почерком: «Отдана князю Василию Лыкову» (РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 3. Ч. 1. Л. 29), появившуюся, очевидно, после 1501 г. (времени составления документа). В ноябре 1508 г. князь Василий Холмский попал в опалу и возможно по этой причине утратил земли.

Любопытно, что писцовая книга Водской пятины отмечает факты утраты Андреем Федоровичем Челядниным новгородских земель на момент возникновения источника (Временник ОИДР. Кн. XI: 119-121, 121-123, 123-130, 136). В описании г. Орешка двор наместника Челяднина упомянут как пустой (Временник ОИДР. Кн. XI: 113). Следовательно, А.Ф. Челяднин утратил земли уже к 7009 г. (1501 г.). Только в погосте Куйвошском сказано о владении волостью Андреем Федоровичем, хотя дальше в тексте встречается приписка, выполненная другим почерком и другой рукой: «Отдана Белоголопухиным» (Временник ОИДР. Кн. XI: 153-158). Вероятно, составители писцовой книги имели дело с ранними черновыми материалами переписи пятины, в которых А.Ф. Челяднин был указан еще реальным владельцем земель. Подьячие могли механически внести эти сведения без поправок в текст составляемой ими писцовой книги. Челяднин последний раз упоминается в источниках весной 1500 г., поэтому причины утраты им новгородских земель можно видеть не только в прекращении его службы, но и в смерти, постигшей его вскоре после 1500 г.

Несомненно, что часть приписок о передаче оброчных владений помещикам могла появиться после 1501-1503 гг., когда они были розданы в поместья (Гневушев 1908: II). Например, не ранее 1501-1503 гг. возникла приписка относительно земель в Каргальском погосте Копорского уезда: «Отдано Ивану да Мите, да Гриде Ивановым детем Сукина», поскольку она повторяет ту же самую фразу из отрывка писцовой книги 7010-7011 гг., представляющую часть первоначального текста (Гневушев 1908: 27; НПК. Т. III: 494).

Помимо князей И.М. Волынского, В.Д. Холмского, А.Ф. Челяднина, утративших новгородские земли в конце XV – самом начале XVI в., и князей Патрикеевых и Ряполовского, лишившихся земель вследствие опалы в 1499 г., трудно сказать что-либо определенное о времени исчезновения новгородских земель у других представителей аристократии. Потеря ими земель на Северо-Западе засвидетельствована писцовыми книгами Водской, Деревской, Шелонской и

Бежецкой пятин конца 30-х – начала 40-х гг. XVI в. Например, в писцовой книге Бежецкой пятины 1535/1536 гг. говорится в прошлом времени о владении поместьями князьями Ф.А. Хохолковым Ростовским, В.И. Волохом Пужбальским, Иваном Гундором, Иосифом Дорогобужским, И.Ф. Ушатым, С.Д. и В.Д. Холмскими, С.Р. Ярославским (в момент новой переписи пятины их земли были зафиксированы за другими людьми) (НПК. Т. VI: 67-79, 130-134, 159-162, 197-209, 213-215, 231-241, 252-254, 310-316, 422, 466). Факты утраты вышеперечисленными княжатами земель вряд ли возможно вслед за Г.В. Абрамовичем связывать с прекращением новгородской службы, поскольку князь Д.А. Пенков наместничал в Новгороде в 1485-1493 гг. (Зимин 1988: 92), а земли сохранял в 1499-1500 гг., Яков Захарыч был наместником Великого Новгорода в 1483-1493 гг. (Зимин 1988: 45), а землями владел в 1500/1501 гг. К тому же, многие новгородские землевладельцы не служили по Новгороду, а землями распоряжались. Точка зрения Абрамовича о причинах лишения земель в большинстве случаев не подтверждается фактами. Мнение Р.Г. Скрынникова о времени утраты знатью поместий в 1499-1502 гг. не находит подтверждения в писцовых книгах. Многочисленные факты исчезновения у аристократии новгородских пожалований в период с конца XV в. до начала XVI в. должны были отразиться в тексте писцовых книг в виде значительного количества приписок, между тем их практически нет (за исключением рассмотренных выше случаев с А.Ф. Челядниным, М.И. Воротынским, В.Д. Холмским). Наиболее вероятен «естественный» процесс потери новгородских земель представителями аристократии (за исключением тех, кто попал в опалу), связанный с их смертью, старостью, бездетностью, прекращением их службы, либо с другими причинами. С конца XV в. до конца 30-х – 40-х гг. XVI в. сменилось 2-3 поколения владельцев поместий, но эта ситуация была характерна не только для аристократии, но и для представителей менее знатных родов. Можно высказать предположение, что только те княжеские фамилии, для которых новгородские земли являлись главным источником их доходов и которые соглашались жить в них постоянно и нести с них службу, смогли передать свои земли детям и внукам, остальные княжеские фамилии (владевшие вотчинами на территории своих уездов) после смерти старших членов своих семей земли на Северо-Западе утратили (Корзинин 2006: 388-409). Это никак не было связано с династическим кризисом в Русском государстве в конце XV в. и заговором князей Патрикеевых и Ряполовского, а было продиктовано нуждами великокняжеской власти закрепить завоеванные новгородские земли.

Подводя итог проведенному исследованию, следует подчеркнуть, что идеологические штампы мешают объективному изучению исторических событий. Из анализа политической истории и взаимоотношений аристократии и великого князя Ивана III не вытекает вывод о том, что среди бояр находились сторонники удельной старины и децентрализации. Вряд ли можно противопоставлять бояр и боярских детей (дворян) как две антагонистические группы среди элиты. На материалах складывания поместной системы на Новгородских землях видно, что поместьями здесь в конце XV-начале XVI в. наделяли детей боярских, то есть младших представителей боярских родов. Столкновения самодержавной власти и могущественного боярства в правление Ивана III Васильевича и позже (в период

боярского правления, в царствование Ивана Грозного) возникали не на основе разногласий о форме правления (самодержавная монархия в целом всех устраивала), а из-за конкретных кандидатур на великокняжеский престол, происходивших из законной династии Рюриковичей. Князья Патрикеевы и Рязанский, видимо, возлагали свои надежды на Дмитрия-внука, а не на княжича Василия Ивановича, родившегося от второго брака государя. Болезнь Ивана IV Васильевича в марте 1553 г. вскрыла разногласия в Боярской думе. Оказалось, что часть бояр хотела бы видеть на престоле не сына царя пелёночника царевича Дмитрия, а двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого (ПСРЛ. Т. 13: 523-526, 530). Однако самостоятельный выбор представителями аристократии претендентов на престол в корне пресекался носителем верховной самодержавной власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович 1975 - *Абрамович Г.В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI вв. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Фонд диссертаций. Д. 130). Л., 1975.
- Алексеев 1991 - *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
- Алексеев 1992 - *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992.
- Базилевич 1954 - *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1954.
- Веселовский 1939 - *Веселовский С.Б.* Владимир Гусев - составитель Судебника 1497 г. // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 31-47.
- Веселовский 1969 - *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Временник ОИДР. Кн. XI - Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. XI. М., 1851.
- Гневушев 1908 - *Гневушев А.М.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504-1505 гг. Киев, 1908.
- Зимин 1958 - *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 181-205.
- Зимин 1974 - *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV в. – первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 271-301.
- Зимин 1982 - *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982.
- Зимин 1988 - *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Казакова 1970 - *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.
- Каштанов 1967 - *Каштанов С.М.* Социально-политическая история конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
- Корзинин 2006 - *Корзинин А.Л.* Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV – начале XVI в. Причины утраты знатью Новгородских земель // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1. СПб., 2006. С. 388-409.
- Корзинин 2008 - *Корзинин А.Л.* О датировке писцовых книг Новгородской земли конца XV века // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2. СПб., 2008. С. 207-223.
- Лурье 1941 - *Лурье Я.С.* Из истории политической борьбы при Иване III // Ученые записки ЛГУ. 1941. Серия исторических наук. Т. 80. Вып. 10. С. 75-92.
- Лурье 1994 - *Лурье Я.С.* Две истории Руси XIV-XV вв. СПб., 1994.
- НПК. Т. III - Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868.

- НПК. Т. VI - Новгородские писцовые книги. Т. VI. СПб., 1910.
ПСРЛ. Т. 13 - Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 21 - Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. СПб, 1908.
ПСРЛ. Т. 25 - Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
ПСРЛ. Т. 26 - Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959.
ПСРЛ. Т. 27 - Полное собрание русских летописей. Т. 27. Л., 1962.
ПСРЛ. Т. 39 - Полное собрание русских летописей. Т. 39. М., 1994.
ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. СПб., 1853.
РГАДА - Российский государственный архив древних актов.
Сборник РИО. Т. 35 - Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
Сборник РИО. Т. 41 - Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
Скрынников 1994 - *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.
Скрынников 1997 - *Скрынников Р.Г.* История Российская IX-XVII вв. М., 1997.
Смирнов 1952 - *Смирнов И.И.* Рецензия на книгу К.В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства» // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 139-144.
Соловьев. Кн. II - *Соловьев С.М.* История России. Кн. II. М., 1960.
Черепнин 1951 - *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. М., 1951.
Шмидт 1951 - *Шмидт С.О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 254-299.

REFERENCES

- Abramovich 1975 - *Abramovich G.V.* Pomestnaja sistema i pomestnoe hozjajstvo v Rossii v poslednej chetverti XV i v XVI vv. Dissertacija doktora istoricheskich nauk (Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN. Fond dissertacij. D. 130) [The pomestnaya system and economy in Russia in the last quarter of XV and in the XVI centuries. The dissertation of phd (The Archive of the St. Petersburg institute of history of the Russian Academy of Sciences. Fund of dissertations, № 130)], Leningrad, 1975 [in Russian].
Aleksseev 1991 - *Aleksseev U.G.* Gosudar' vseja Rusi [The Sovereign of Russia], Novosibirsk, 1991 [in Russian].
Aleksseev 1992 - *Aleksseev U.G.* Pod znamenami Moskvy [Under banners of Moscow], Moscow, 1992 [in Russian].
Bazilevich 1954 - *Bazilevich K.V.* Vneshnjaja politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Vtoraja polovina XV v. [Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the XV century], Moscow, 1954 [in Russian].
Cherepnin 1951 - *Cherepnin L.V.* Russkie feodal'nye arhivy XIV-XV vv. [Russian feudal archives of the XIV-XV centuries], Part. 2, Moscow, 1951 [in Russian].
Gnevushev 1908 - *Gnevushev A.M.* Otryvok piscovoj knigi Votskoj pjatiny vtoroj poloviny 1504-1505 gg. [Fragment of the pistsovy book of the Votsky pyatina of the second half of 1504-1505], Kiev, 1908 [in Old Russian].
Kashtanov 1967 - *Kashtanov S.M.* Social'no-politicheskaja istorija konca XV-pervoj poloviny XVI v. [Socio-political history of the end of the XV first half of the XVI century], Moscow, 1967 [in Russian].
Kazakova 1970 - *Kazakova N.A.* Oчерки po istorii russkoj obshhestvennoj mysli. Pervaja tret' XVI v. [The sketches on history of the Russian social thought. First third of the XVI century], Leningrad, 1970 [in Russian].
Korzinin 2006 - *Korzinin A.L.* Knjazheskaja aristokratija pod Novgorodom v konce XV – nachale XVI v. Prichiny utraty znat'ju Novgorodskih zemel' [The princely aristocracy near Novgorod at the end of XV-the beginning of the XVI century. The reasons of loss of the Novgorod lands], in: Trudy kafedry Istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka [Works of department of History of Russia from the most ancient times to the XX century], Volume. 1, St. Petersburg, 2006 [in Russian].
Korzinin 2008 - *Korzinin A.L.* O datirovke piscovyh knig Novgorodskoj zemli konca XV veka [About the dating of the pistsovy books of the Novgorod earth of the end of the XV century], in: Trudy kafedry

Istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka [Works of the chair of of Russian History from the most ancient times to the XX century], Volume. 2, St. Petersburg, 2008 [in Russian].

Lur'e 1941 - *Lur'e J.S.* Iz istorii politicheskoy bor'by pri Ivane III [From the history of the political struggle at Ivan III], in: Uchenye zapiski LGU. 1941. Serija istoricheskikh nauk [Scientific notes Leningrad State University. Series of historical sciences], Volume 80, Issue. 10 [in Russian].

Lur'e 1994 - *Lur'e J.S.* Dve istorii Rusi XIV-XV vv. [Two histories XIV-XV of Russia of XIV-XV centuries], St. Petersburg, 1994 [in Russian].

NPK. T. III - Novgorodskie piscovyie knigi [Novgorod pistsovy books], Volume III, St. Petersburg, 1868 [in Old Russian].

NPK. T. VI - Novgorodskie piscovyie knigi [Novgorod pistsovy books], Volume VI, St. Petersburg, 1910 [in Old Russian].

PSRL. T. 13 - Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 13, Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. T. 21 - Polnoe sobranie russkikh letopisej Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 21, Part 2, St. Petersburg, 1908 [in Old Russian].

PSRL. T. 25 - Polnoe sobranie russkikh letopisej Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 25, Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

PSRL. T. 26 - Polnoe sobranie russkikh letopisej. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 26, Moscow; Leningrad, 1959 [in Russian].

PSRL. T. 27 - Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 27, Leningrad, 1962 [in Russian].

PSRL. T. 39 - Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume 39, Moscow, 1994 [in Russian].

PSRL. T. IV. Ch. I. Vyp. 2 - Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of the Russian chronicles], Volume IV, Part I, Issue. 2, St. Petersburg, 1853 [in Old Russian].

RGADA - Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts] [in Russian].

Sbornik RIO. T. 35 - Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva [The Collection of the Russian historical society], Volume 35, St. Petersburg, 1882 [in Old Russian].

Sbornik RIO. T. 41 - Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva [The Collection of the Russian historical society], Volume 41, St. Petersburg, 1884 [in Old Russian].

Shmidt 1951 - *Shmidt S.O.* Prodolzhenie hronografa redakcii 1512 goda [Continuation of a Chronograph of edition of 1512], in: Istoricheskij arhiv [Historical archive], Volume VII, Moscow, 1951 [in Russian].

Skrynnikov 1994 - *Skrynnikov R.G.* Tragedija Novgoroda [Tragedy of Novgorod], Moscow, 1994 [in Russian].

Skrynnikov 1997 - *Skrynnikov R.G.* Istorija Rossijskaja IX-XVII vv. [Russian History of IX-XVII centuries], Moscow, 1997 [in Russian].

Smirnov 1952 - *Smirnov I.I.* Recenzija na knigu K.V. Bazilevicha «Vneshnjaja politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva» [The review of K.V. Bazilevich's book «Foreign policy of the Russian centralized state»], in: Voprosy istorii [The Questions of History], 1952, № 11 [in Russian].

Solov'ev. Kn. II - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii [The History of Russia], Book II, Moscow, 1960 [in Russian].

Veselovskij 1939 - *Veselovskij S.B.* Vladimir Gusev-sostavitel' Sudebnika 1497 g. [Vladimir Gusev-the author of the Code of laws of 1497], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Volume 5, Moscow, 1939 [in Russian].

Veselovskij 1969 - *Veselovskij S.B.* Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemleladel'cev [The investigation of the class of land owners], Moscow, 1969 [in Russian].

Vremennik OIHR. Kn. XI - Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskikh [Vremennik of society of history and Russian antiquities], Book. XI, Moscow, 1851 [in Old Russian].

Zimin 1958 - *Zimin A.A.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. [About the structure of palace establishments of the Russian state of the end of XV and XVI century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Volume 63, Moscow, 1958 [in Russian].

Zimin 1974 - *Zimin A.A.* Namestnicheskoe upravlenie v Russkom gosudarstve vtoroj poloviny XV v. – pervoj tretej XVI v. [The local management in the Russian state of the second half of the XV century-the first third of the XVI century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Volume 94, Moscow, 1974 [in Russian].

Zimin 1982 - *Zimin A.A.* Rossiya na rubezhe XV-XVI stoletij [Russia at a turn of the XV-XVI centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Zimin 1988 - *Zimin A.A.* Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj tretej XVI v. [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV first third of the XVI century], Moscow, 1988 [in Russian].

Корзинин Александр Леонидович – Кандидат исторических наук, доцент института Истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Korzinin Alexander – Candidate of historical sciences, Associate Professor of the History institute of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: a.korzinin@spbu.ru